

**§ 4. Пионер научного краеведения:
раскопки и этнографические труды уездного учителя
Алексея Ивановича Дмитриюкова (1795–1870)**

*«От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело? Что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...»*

*Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко, и смело.
Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их».*

*Ф.И. Пютчев.
17 августа 1871 г.*

«Он писал одновременно несколько картин, но никак не мог закончить их, потому что полотна были чересчур большие и честолюбиво задуманные, а Ниггль был из тех, кому листья удаются лучше деревьев. ... За Деревом на холсте явственно выступала некая страна. ... Дерево получалось ... единственное в своём роде. ... Се Дар!»

*Дж.Р.Р. Толкиен.
Лист кисти Ниггля.
1945 год.*

На протяжении первой половины XIX века в различных слоях русского общества заметно усилился интерес к прошлому своей страны и памятникам её культуры. Подъёму патриотических настроений способствовала и победоносная Отечественная война 1812 года, и входившие в моду национальные варианты романтизма в искусстве, и труды В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, других первых историков России. Энергичные импульсы к сбережению и изучению разного рода древностей шли главным образом из просвещённой среды столичной интеллигенции ¹.

Император Николай Павлович первым из российских царей обратил пристальное внимание на памятники отечественной истории и культуры, их сохранение, реставрацию; установку памятных знаков выдающимся деятелям и событиям нашего прошлого ². Его предшественники на императорском троне вслед за Петром Великим были слишком заняты «прорубанием окна в

¹ См.: *Формозов А.А.* Русское общество и охрана памятников культуры. Изд. 2-е, доп. М., 1990. С. 34–38.

² См. подробнее: *Высочков Л.* Николай I. М., 2008. С. 12–420 («Жизнь замечательных людей». Вып. 173).

Европу», то есть заимствованием прогрессивных стандартов западной жизни, чтобы ценить ещё и отечественную старину (Об этом подробнее говорится в приложенной к моей книге актовой лекции ³).

Près de Poutiwl.
Gouvernement de Koursk.

Близь Путивля.
Курской губ.

*Примерно так выглядело место рождения А.И. Дмитрюкова
и его наследственное владение.*

*Одна из видовых открыток Сергея Михайловича Трокудина-Горского (1864–1944) —
пионера цветной фотографии в России.*

О встречном краеведческом движении в тогдашней российской провинции известно пока очень мало. Тем интереснее выглядит почти забытая ныне фигура одного из первых жителей южнорусской глубинки, к которому вполне применимо возникшее гораздо позднее его времени определение «краевед».

Это *Алексей Иванович Дмитрюков*, полвека учительствовавший в Курской губернии и уже в 1820–1860-е годы много и плодотворно занимавшийся историей, археологией и этнографией родного края. *Вехи жизненного пути* этого незаурядного человека отмечены в «Формулярном списке о службе и достоинстве чиновников и учителей Рыльского уездного

³ Первая её публикация: *Щавелёв С.П.* 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032: 980). Актовая речь в день 77-й годовщины университета на открытом заседании Учёного совета. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2012. 40 с., илл.

училища»⁴ и прочих его личных документах, разысканных нами в нескольких архивных фондах. Он родился в 1795 году в курском городке Судже. По формулярной терминологии, происходит из мещан. Родители оставили ему в наследство «в суджанских градских дачах в чересполосном владении распашной земли, сенокосу и лесного срубку 20 десятин» да «дворовых людей 16 душ». К этому мизерному (по общероссийским, тем более центрально-чернозёмным меркам) имению он присоединил впоследствии ещё столько же благоприобретённой на чиновничье жалованье земли «в дачах близлежащего села Куриловки».

«По окончанию курса наук в Курской губернской гимназии поступил в звании вольнослушающего» в ближайший — Харьковский университет, где «слушал лекции по математическому отделению с 1 августа 1812 по 1 января 1815 года» (стать действительным студентом и дослушать остаток университетского курса до конца ему, предполагаю, помешала бедность: за право слушания лекций в российских университетах действительным студентам нужно было платить каждый семестр). Так начинается его послужной список. Затем идёт хроника назначений и перемещений «не окончившего курса» в университете Дмитрюкова по школам Харьковского учебного округа — к нему относились тогда по части просвещения Курская губерния. Сначала (в декабре 1814 года) с его незаконченным, но всё-таки высшим образованием приняли в Ахтырское уездное училище «учителем исторических наук». Такая, видимо, оказалась вакансия. Но вскоре (в августе 1816) согласились перевести оттуда в родную Суджу — преподавателем математических дисциплин уездного же училища. Гимназических учителей, даже с незаконченным высшим образованием, в дореформенной России явно не хватало.

Сразу заметим, что сочетание познаний и интересов в таких различных областях науки, как история и математика, лет двести назад встречалось не столь редко, как теперь. Предварительная естественнонаучная подготовка отличала многих выдающихся деятелей гуманитарной культуры прошлого. Скажем, первый украинский археолог-профессионал Владимир Бонифатьевич Антонович (1834–1908) окончил сначала медицинский, а затем историко-филологический факультеты Киевского университета св. Владимира и параллельно с раскопками поработал врачом. Известный же собиратель русского фольклора и писатель-демократ Павел Иванович Якушкин (1822–1872) «ушёл в народ» с четвёртого курса физико-математического факультета Императорского Московского университета. Подобные примеры далеко не единичны для своего времени. Таким образом, нас не должно удивлять внимание к историческим древностям со стороны натуралиста по высшему образованию. Русский учёный того периода, особенно в провинции, довольно часто — не только узкий специалист, но и

⁴ ГАКО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 22. Л. 132 об. – 133; Д. 26. Л. 54 об. – 55; Д. 27. Л. 193 об. – 198.

представитель науки в целом; культуры как таковой без изъятия каких-либо важных её разделов.

*Суджанское училище, где преподавал А.И. Дмитриюков.
Изображение с сайта multiurok.ru*

А.И. Дмитриюков всю жизнь оставался уездным учителем, прослужил чиновником по ведомству министерства народного просвещения. По собственному его призванию — «любимая мною должность руководителя детей к их пользам и к пользам государства»⁵. Начал он эту службу в чине X класса — коллежского секретаря (с 1823 года), закончил в почти столь скромном чине VIII класса — коллежского асессора (с 1838 года и до самой пенсии). Не на виду у начальства чинов не сыщешь. Но свои педагогические обязанности исполнял добросовестно — неоднократно получал благодарности училищного комитета и прочих начальственных инстанций «за прилежание и успехи учащихся», «за неутомимое усердие и ревность к учительской должности». После 15 лет беспорочной службы был награждён предусмотренным на сей случай знаком отличия (в 1833 году), а затем повышен в должности — назначен штатным смотрителем своего уездного училища (1838 год). Вскоре переведён на тот же пост в Щигровское училище (1839 год). Здесь проработал 5 лет, трижды поощрялся благодарностями «за деятельное стремление к улучшению училища». В 1844 году перемещён штатным смотрителем Рыльских училищ «для

⁵ Дмитриюков А.И. — Погдину М.П. 1 мая 1843 года // Научно-исследовательский Отдел рукописей РГБ. Ф. 321. Ч. 2. Оп. 10. Д. 79. Л. 1.

исправления в них беспорядков». К тому времени подошла положенная российским чиновникам для выхода на пенсию выслуга лет — четверть века (считая с 1817 года). Пенсию ему назначили максимальную в занимаемом положении — в размере годового жалованья, по 250 руб. в год, позднее повысили до 400 (жалование и пенсию в дореволюционной России считали не ежемесячно, а погодно). Но на службе в виде исключения, как поступали с особо ценными работниками, предложили остаться ещё на 5 лет с выплатой сверх пенсии указанного оклада. Льгота пришлась весьма кстати. Деньги были крайне необходимы на восстановление родового гнезда — «сгоревшего в общем суджанском пожаре 1841 года дома, со всеми строениями, до основания» — жаловался наш чиновник в частной переписке. Потом срок службы ему ещё неоднократно продлевали. Последний раз, как видно из формулярного списка — в 1857 году. В конце концов (в 1858 году) Алексей Иванович опять вернулся в родную Суджу смотрителем училищ. Здесь и доживал свой век, к сожалению, овдовев и пережив старшую дочь.

*Рыльск на старой открытке. К сегодняшнему дню этот вид не слишком изменился.
По кн.: Донченко Ю.В. Курская губерния на старой открытке. Курск, 2004.*

Он возглавлял большое семейство. Женат был на дочери дворянина Елизавете Зиновьевой. «За женой его состоит дворовых крестьян мужеского пола шесть душ». Как видно, эта дворянская дочь финансово была обеспечена не лучше своего супруга мещанина. Супруги имели много детей для своего скромного состояния — двух сыновей (их ждали гимназия, Московский кадетский корпус, Инженерная академия — на казённом содержании, и военная служба — Брянский егерский полк) и пятерых

дочерей (из только две при жизни честного, но небогатого отца вышли замуж. «Прочие дети находятся при нём», — констатирует служебный формуляр).

Гора Ивана Рыльского сегодня.

Отвлечёмся ненадолго от рассказа о первом курском археологе ради взгляда на его поучительное сегодня семейное наследие. Среди прямых потомков Алексея Ивановича наибольшую известность заслужил Иван Иванович Дмитриюков (1871 – после 1918). Исторические энциклопедии так представляют его: из дворян Курской губернии, сын отставного штабс-капитана Варшавского жандармского округа И.А. Дмитриюкова (1835–1895), внук известного читателю А.И. Дмитриюкова, курского археолога и педагога. Землевладелец Лихвинского уезда, на 1912 год владел 307 десятинами в Калужской губернии. Окончил Калужскую гимназию в 1891 году и юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1895 году. Состоял помощником присяжного поверенного при Санкт-Петербургской судебной палате. В 1904–1907 годах — там же член губернского по крестьянским делам присутствия. Участник калужского Дворянского собрания, Калужского губернского и Лихвинского уездных земских собраний. Депутат Государственной думы 3 и 4 созывов от Калужской губернии, по партийной принадлежности — октябрист. В 1912–1917 годах состоял секретарём IV Государственной Думы. В августе 1915 года избран

Думой в состав Особого совещания по обороне. Во время Февральской революции вошёл во Временный комитет Государственной думы. Участвовал в переговорах с великим князем Михаилом Александровичем по вопросу отречения Николая II и возложения регентства на этого великого князя. В 1917–1918 годах — один из лидеров Радикально-демократической партии. Октябрьскую революцию не принял, выехал на юг России, где следы его для историков теряются ⁶.

*Юрист и политик М.М. Дмитриев, внук археолога.
Из Википедии.*

На мой взгляд, судьба внука нашего археолога — яркий пример, один из множества, того, как правильно, пусть и медленно развивалась Россия на пути от средневековой деспотии к правовому государству и гражданскому обществу, похеренным почти на столетие почти случайным Октябрьским переворотом.

Получив вовремя чин штаб-офицерского уровня, наш археолог Дмитриев выслужил личное дворянство, а затем и потомственное, будучи награждён в 1852 г. орденом св. Владимира 4-й степени «в знак XXXV-летней беспорочной службы». Точную дату смерти Алексея Ивановича мне установить не удалось. В официальных списках российских чиновников его имя последний раз встречается в 1864 году, а в 1865-м — уже нет (потому что тогда он, как видно, вышел на окончательную пенсию, а

⁶ См.: Государственная дума Российской империи, 1906–1917. Энциклопедия. М., Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 166.

службу оставил)⁷. 70 лет по тогдашним временам, особенно для мужчины — возраст вполне преклонный. Последнее из сохранившихся в архиве писем Дмитриюкова датировано февралём 1868 года. Вскоре после этой даты он, по всей вероятности, и скончался — на восьмом десятке лет своей труженической жизни. «Курские губернские ведомости» за 1901 год в № 171 опубликовали заметку «О предположенном чествовании памяти местного археолога А.И. Дмитриюкова, умершего в Судже в 1830 году». Тут явная опечатка. Надо, по всей видимости, — в 1870.

Я привожу детали этой внешней заурядной для чиновника-разночинца биографии, чтобы оттенить вторую — внеслужебную линию его жизни. Она складывалась из целого ряда добровольно принятых им на себя академических обязанностей и научно-исследовательских работ.

На первое место среди них надо поставить *археологические труды*. На поверхностный взгляд, что в них особенно замечательного? Раскопал образованный человек на досуге несколько курганных и крепостных насыпей по месту своего жительства. Законом подобные действия тогда не возбранялись. Статьи о находках поместил в губернской и центральной печати, где они и затерялись надолго. Только через полвека к этим памятникам вновь обратились археологи. Раскопки на некоторых из них продолжают по сей день.

*«Ты знаешь край, где Сейм печально воды меж берегов осиротелых льёт,
над ним дворца разрушенные своды...» А.К. Толстой. На этих берегах первым
совершил археологические экскурсии и раскопки А.И. Дмитриюков.*

⁷ См.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи ... на 1863-1864 годы. Ч. 1. СПб, 1865. С. 394.

А дело заключается в том, *когда* курский учитель с университетским образованием занялся полевой археологией. В начале 1870-х годов по инициативе незадолго перед тем созданного в Москве Археологического общества все губернии и области европейской России ответили на специальную анкету для выявления и учёта сохранившихся памятников материальной старины. Один из пунктов вопросника выяснял: кем и когда производились раскопки «древних земляных насыпей»? Абсолютному большинству губернаторов ответить на сей счёт было нечего. Центральные районы страны, в том числе Курское Посеймье, долгое время, вплоть до середины прошлого столетия, а то и позже, считались бесперспективными в археологическом отношении. Раскопки если и вели, то исключительно в Причерноморье, Крыму на местах бывших древнегреческих колоний и скифских владений — ради добычи античных мраморов и драгоценных украшений для Императорского Эрмитажа. Там же, на юге империи стали возникать и первые собственно археологические музеи (с 1803 г.)⁸.

Фундаменты домонгольской архитектуры в Новгороде (в 1807 году) и Киеве (1825, 1832–1835 годах) пробовал разрывать в целях исторического познания митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов, 1767–1837). К масштабным разведкам городищ и курганов на коренной русской земле приступил в 1820–1821 годах поляк-эмигрант Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий, 1784–1825). Десятилетием спустя учёт древних земляных насыпей здесь продолжили наши соотечественники Вадим Васильевич Пассек (1808–1842) и Пётр Иванович Кёппен (1793–1864)⁹.

В качестве самого раннего прецедента более или менее научных раскопок курганов в центре России обычно упоминаются в археологической литературе работы Александра Дмитриевича Черткова (1789–1858) 1838-го и 1845 годов в Подмосковье¹⁰. Поводом к этим, действительно новаторским раскопкам послужила случайная находка старинных металлических предметов при строительстве в помещичьем имении под Звенигородом. Печатный отчёт Черткова о двух полевых сезонах выглядит образцовым для своего и даже позднейшего времени¹¹. Высказывалось, однако, мнение, будто Чертков никаких раскопок не вёл, а только описал случайно найденные в снесённых строителями курганах вещи, не найдя в них ничего

⁸ См.: *Разгон А.М.* Археологические музеи в России // Труды НИИ музееведения. Вып. 3. М., 1961; *Тункина И.В.* Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Очерки истории русской и советской археологии / Сост. и ред. А.А. *Формозов*. М., 1991.

⁹ См.: *Формозов А.А.* Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 205–206; *Его же*. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 44–54; *Новохатский К.Е.* «Мне хочется быть лектором истории...» (В.В. Пассек) // Памятники Отечества. 1989. № 1; *Перкаль М.К.* В.В. Пассек и его «Очерки России» // Этнографическое обозрение. 1994. № 6; *Цыбин М.В.* У истоков историко-археологического изучения юго-востока Древней Руси // Вопросы истории славян. Вып. 12. Воронеж, 1998.

¹⁰ См., например: *Авдусин Д.А.* Полевая археология. М., 1972. С. 10.

¹¹ См.: *Формозов А.А.* Следопыты земли московской. М., 1988. С. 34–36.

славянского ¹². Однако это мнение опровергается документальным отчётом автора тех раскопок ¹³. Он даже произвёл химический анализ найденных предметов, а черепа из курганов отправил в Петербург академику К.М. Бэру для специального рассмотрения.

Остальные пробные раскопки древностей славян и их соседей в центральных губерниях страны за первую половину XIX века можно пересчитать по пальцам одной руки. Все эти поиски относятся к 1840–1850-м годам. Для своих инициаторов они носили эпизодический, если не случайный характер и на представления современников о Древней Руси практически не повлияли.

Начало мало-мальски систематических, организованных по научно-исторической программе археологических раскопок внутри империи (а не на её южных границах) связано с массовым вскрытием владимирских курганов А.С. Уваровым и П.С. Савельевым в 1851–1854 годах ¹⁴. Возведённое на этих первых полевых археологов нашей страны А.А. Спицыным обвинение в несоблюдении элементарных правил методики полевой фиксации находок ¹⁵ было вызвано его, разночинца из Петербурга, озлобленностью по отношению к «московским аристократам», враждой между «его» Императорской Археологической комиссией и «их» Императорским Московским Археологическим обществом, а также недоразумениями при музеефикации находок. Этот навет оказался впоследствии опровергнут беспристрастными историографами из числа современных археологов-полевиков, которые вполне успешно работали с уваровскими коллекциями спустя сто с лишним лет после их образования. Владимиро-суздальские древности из тех новаторских раскопок пострадали при музейном хранении, но оказались неплохо для своего времени документированы, монографически опубликованы ¹⁶ и, в общем, пригодны для дальнейших исследований вполне современными методами ¹⁷.

¹² *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков (опыт научной биографии) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 44.

¹³ *Чертков А.Д.* О древних вещах, найденных в 1838 году в имении Н.А. Толстого // Русский исторический сборник. Т. III. М., 1838.

См. также: *Фролова М.М.* А.Д. Чертков и его вклад в русскую нумизматику и археологию // Российская археология. 2010. № 4.

¹⁴ См.: *Формозов А.А.* А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // Российская археология. 1993. № 3.

¹⁵ *Спицын А.А.* Владимирские курганы // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905.

¹⁶ См.: *Уваров А.С.* Меряне и их быт по курганным находкам. М., 1872. 230 с.

¹⁷ См.: *Лапшин В.А.* Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим материалам). Автореф. ... канд. ист. наук Л., 1985; *Его же.* О методике раскопок владимирских курганов // Уваровские чтения. Тезисы докладов I Уваровских чтений. Муром, 1990.

Владимир Анатольевич Лапшин — ныне доктор исторических наук, директор Института истории материальной культуры РАН.

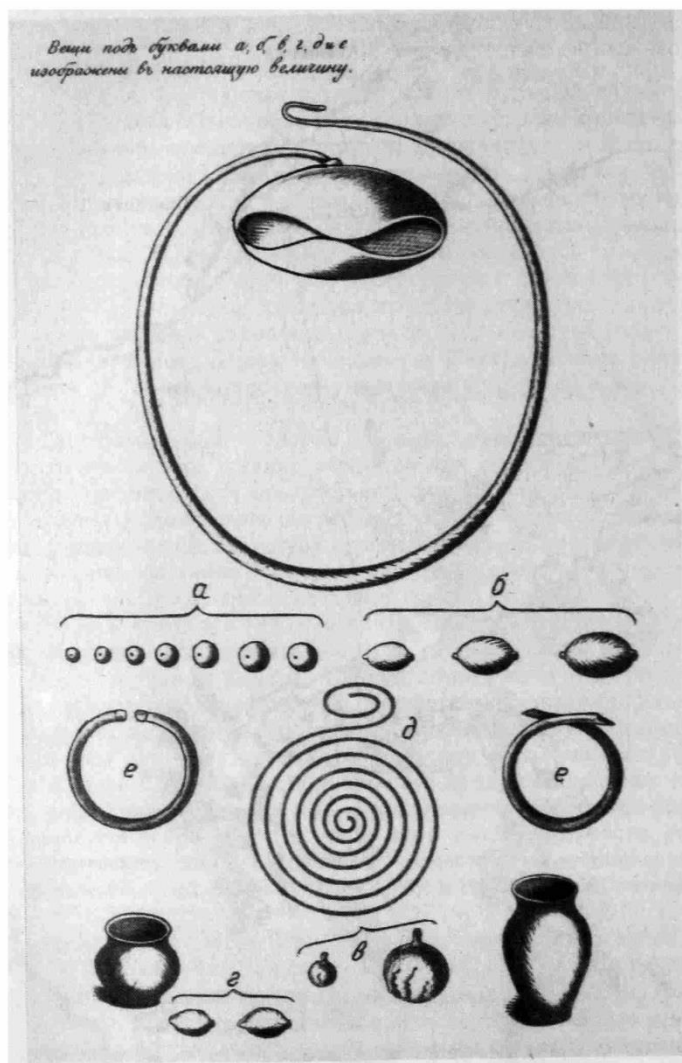

Рис. 2. Образцы погребального инвентаря из курганов с труположениями возле с. Горналь Суджанского уезда. Раскопки А.И. Дмитрюкова 1829–1830 гг. Из кн.: Дмитрюков А.И., 1863. Ил. между с. 512 и 513

Иллюстрация из статьи: Щавелёв С.П. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитрюкова в 1820–1830-е годы // Российская археология. 1996. № 4.

Уничтожающее же памятники древности для науки рытьё земельных насыпей грабителями-кладоискателями и дилетантами-коллекционерами встречалось и раньше, и позже того времени, но не о нём сейчас речь. Только со второй половины прошлого века учёные-гуманитарии и в Западной Европе, и в России постепенно преодолевают безраздельное увлечение греко-римской античностью и всерьёз начинают заниматься древностями собственных народов, в том числе ископаемыми.

Кстати сказать, понятие «историческая археология» и сегодня, почти двести лет спустя, звучит с оттенком неологизма; иногда употребляя его, нынешние авторы желают, должно быть, подчеркнуть связь вещевых находок археологов с темами, обсуждаемыми также историками на письменных и прочих источниках наших знаний о прошлом. Встреченный в позапрошлом веке термин «историческая археология» фигурирует в

тогдашнем идейном контексте ярким, неожиданным показателем нового и перспективного подхода к материальным древностям российской провинции.

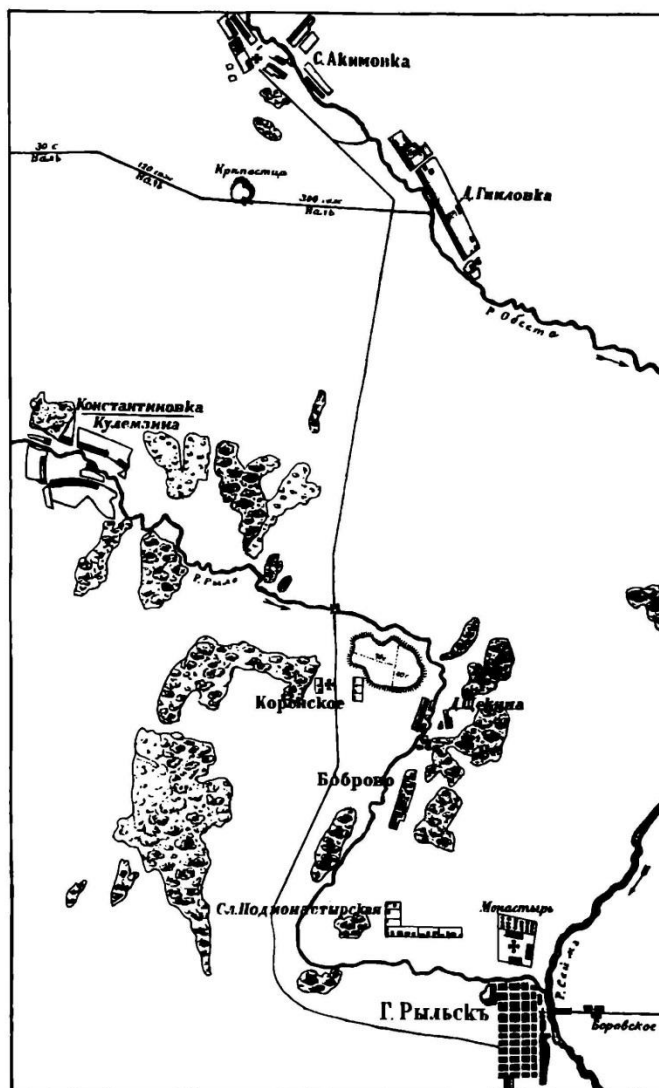

Рис. 1. Чертеж А.И. Дмитриева: городища и валы в округе Рыльска. Из кн.: Дмитриюков А.И., 1863. Илл. между с. 512 и 513

Опечатка в том же журнале: читать «А.И. Дмитриюкова».

Таким образом, курский учитель развернул целенаправленные раскопки, судя по всему, раньше всех остальных поклонников собственно русской истории из интеллигентной среды. Чем руководствовался археолог-новатор? В его распоряжении имелись «История государства Российского» Н.М. Карамзина, да разрозненные публикации на древнерусские темы в «Отечественных записках» и некоторых других повременных изданиях той поры. Этого оказалось достаточно, чтобы взять под сомнение народные предания о разбросанных по курской земле курганах — якобы могилах слободских казаков, жертв татарских набегов из Крыма; о высоких

городища на речных мысах да озёрных островах как логовищах разбойных атаманов вроде легендарного Кудеяра.

Попутно заметим: провинциальные, в особенности краеведческие отклики на беспрецедентный в своё время труд «последнего нашего летописца» Николая Михайловича Карамзина заслуживают специального историографического исследования. Сошлёмся ещё на один, кроме дмитрюковского, впрочем, тоже типичный для своего времени эпизод в этой связи: «Среди чтения "Истории" Карамзина, — признавался небезызвестный историкам науки столичный антикварий, начинавший в провинции, — являлась всегда мысль: что же такое Тула и как жили наши отцы (точнее — праотцы — С.Щ.)? В этой мысли зародилось первое желание писать ... тульскую историю. В "Истории" Карамзина промелькали указания о тульских событиях. Первые мои занятия состояли из выписок из Карамзина о тульских событиях»¹⁸.

А Дмитриюков в то же самое время пошёл навстречу местным древностям более научным путём. Разъезжая по губернии в служебных командировках, он попутно изучил и сравнил между собой внешние формы явно искусственных возвышенностей. На его взгляд, они распределялись на две основные группы: 1) «принадлежавшие к военному искусству древние крепостцы — городища»; а также подобные им по военной функции редуты позднейших времён и 2) «курганы, содержащие смертные остатки, — могильники наших далёких предков»¹⁹. Элементарное, само собой разумеющееся сегодня для мало-мальски образованного человека деление «древних земляных насыпей» лет двести назад было настоящим открытием в археологическом познании.

Дмитрюковская классификация по существу совпадает с современными научными понятиями относительно этих заметных на местности памятников археологии. Между тем не только простые, но и весьма учёные люди того времени почитали городища заброшенными святилищами язычников (Ходаковский, академик И.И. Срезневский), а многие курганы принимали за остатки жилищ кочевников (Ю.И. Венелин) или, ещё чаще — дозорных башен (академик П.И. Кёппен). Последнего заблуждения не избежал сам Дмитриюков, назвавший самые высокие из рыльских курганов «казацкими сторожевыми» (в действительности они обычно содержали погребения эпохи бронзы или раннего железа).

Важнее всего заметить, как построил свой археологический поиск его пионер на курской земле. На протяжении всего позапрошлого и начала прошлого веков дорогу постепенно складывающейся научной археологии станут переходить лица, принимавшиеся «копать, когда не знаешь, что ищешь, а наковав вещей, не знаешь, что с ними делать»²⁰. Зачем же шёл на

¹⁸ Сахаров И.П. Мои воспоминания // Русский архив. 1873. Кн. 1. № 6. С. 900.

¹⁹ Дмитриюков А.И. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 1. Курск, 1863. С. 508–509.

²⁰ Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 годы. Пг., 1915. С. 8–9.

курганы и городища с лопатой в руках сам Дмитриюков? Кроме явной для него фантастичности людской молвы о «кудеяровых станах» да «волотовых могилах», — объяснял он мотивы своих раскопок, — «составляемая мною тогда "История города Суджи и его уезда" (напечатанная в 1828 году в "Историческом и статистическом журнале", в Москве), обязывала сколько можно изыскать истину»²¹.

Свой первый поход за погребёнными в земле древностями наш учитель предпринял на следующем маршруте: вниз по течению величавой реки Псла, в промежутке городков Суджи и Мирополья. Эта местность, на его удачу, особенно богата археологическими памятниками разных эпох, в первую очередь славянскими и древнерусскими. Позднее здесь пролегает известный водным туристам маршрут сплава байдарок по Псле из России (Суджа, Горналь) на Украину (Мирополье). А ныне тут — охраняемое спецслужбами пограничье России и Украины. Здесь, у села Горнали, что в 15 верстах от Суджи, самодеятельным археологом были обнаружены два городища, а при них три группы курганов. Где, по его описанию, «идут по лесу и по пахоте весьма многие могильные насыпи с находящимися в них скелетами и при них разными мелочными украшениями; а в особой группе могильников найдены глиняные сосуды с сожжёнными костями покойников». Большую по сравнению с остальными величину некоторых курганов Дмитриюков проницательно объяснял «важностью скрываемого покойника».

Сначала, в 1828 году Дмитриюков раскопал в одном из этих курганников четыре насыпи из шести. Там оказались трупосожжения — на месте будущего кургана, с последующим помещением праха покойника в лепные сосуды, располагавшиеся под насыпью на уровне горизонта земли. Судя по данному в дмитрюковских статьях описанию курганной керамики — толстостенной, лепной от руки, дурно прожжённой; похожей на ту посуду, осколки которой были им же найдены на Горнальских городищах, — погребения относились к роменской археологической культуре, то есть летописным северянам (IX – начала XI века). Детали погребального обряда при несовершенной ещё манере этих раскопок и, особенно, описания их процесса и результатов не были зафиксированы этим неофитом исторической археологии. Но самая суть дела, принципиально важная для современных учёных, оказалась суджанским учителем на его самодеятельных раскопах уловлена и спасена для науки.

²¹ *Дмитрюков А.И.* Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. XI. Кн. 4. СПб., 1854. С. 28.

Окр. г. Мирополье, Курской губ. № 9.
Общій видъ Бѣлогорской пустыни.

*Николаевский Белогорский монастырь на старой открытке.
Архив автора.*

В 1829 году Дмитрюков вернулся на Горнальские городища. На большем из них был собран подъёмный материал, а на меньшем вырыты разведочные ямы (трудно назвать их по-современному шурфами, ибо этот технический термин предполагает послойную фиксацию находок и общую стратиграфию углубления, а в данном случае неопытный копатель ничего не обнаружил; такой, нулевой результат в культурном слое поселения практически исключён). Однако сам по себе тип данных памятников исследователь определил опять-таки верно. Перед ним оказались «развалины бывшего поселения какого-то, доисторических времён, многочисленного народа». На такую, в принципе, правильную мысль его навело сличение керамики, найденной тут и там (приём, методически совершенно верный и самостоятельно открытый суджанским самородком от археологии). «И как оно [большое горнальское городище, действительно принадлежавшее роменцам / летописным северянам — С.Щ.] года за два перед тем было распаханно, то, при поверхностном обозрении, находил я на нём черепья банок [фрагменты сосудов, говоря современным языком — С.Щ.], подобных тем, какие были мною вырыты в курганах, наполненных жжёными костями».

*Горналь на реке Псле. Большое и малое городища. Современный вид.
Фото А.А. Узянова из «Большой Российской энциклопедии».*

Во всяком случае, энтузиаст полевой археологии убедился в нелепости крестьянской побасенки, будто «там жила какая-то царица: жители села Горналь водворились тут не более двух веков назад, а жительство какого-то народа, бывшего некогда в этих местах и притом многолюдного, восходит ко временам, не упоминаемым русской историей»²² карамзинского времени, — заключил первоначально Дмитриюков.

Доследовать горнальские памятники довелось уже советским археологам. Раскопки сотрудников Института археологии Академии наук под руководством Андрея Васильевича Кузы позволили уточнить — здесь находился комплекс памятников раннего и зрелого Средневековья. А.И. Дмитриюков первым рылся на городищах, существовавших в IX–X веках и погибших в 970-е годы, предположительно при покорении северянского Посеймья киевским князем Святославом. На месте этого «племенного центра» славян объединения «Север» возник древнерусский городок — вроде бы перевалочный пункт на караванном пути «Киев — Булгар» (на Волге), просуществовавший, похоже, до монгольских времён²³.

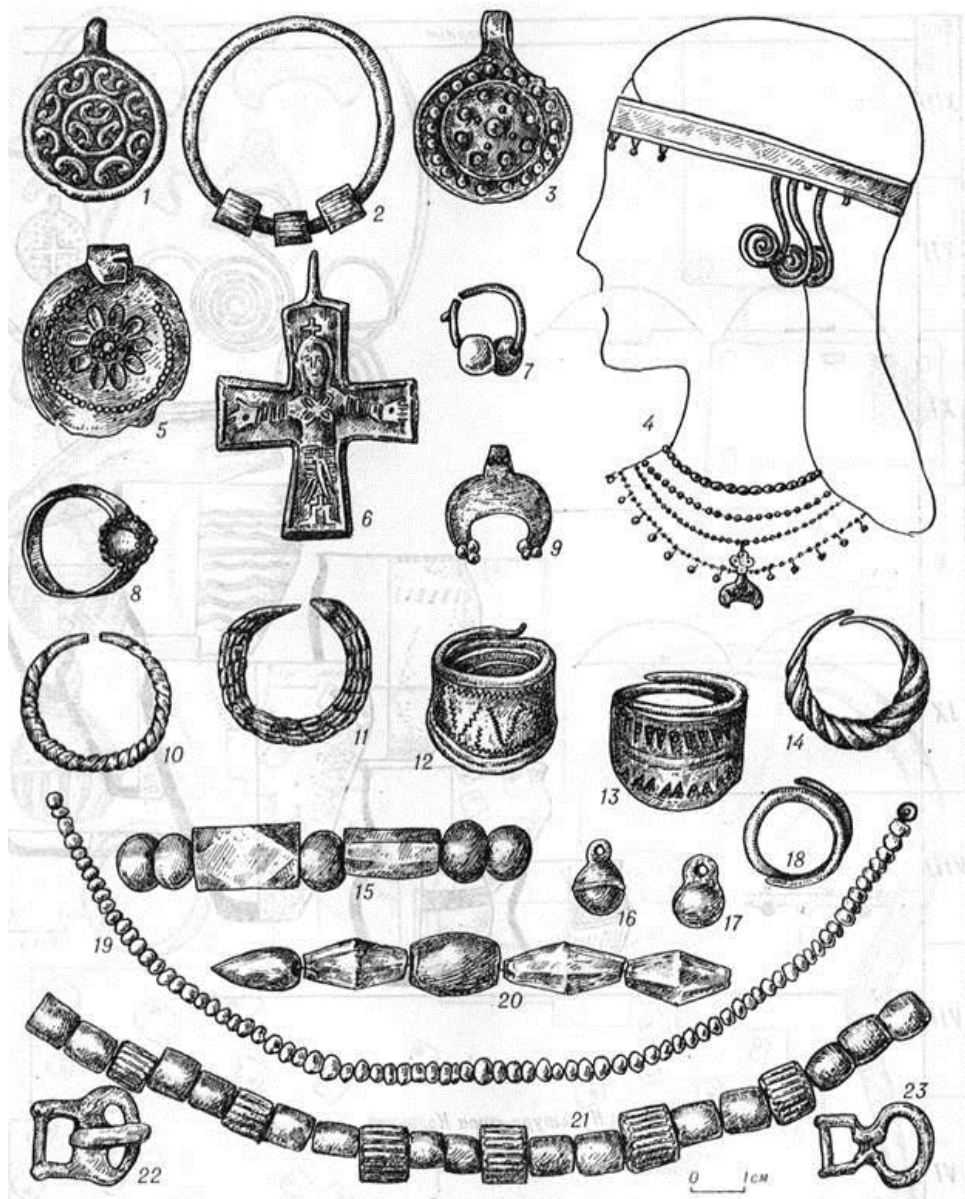
Продолжились стационарные раскопки здесь уже в 2010-е годы под руководством Владимира Васильевича Енукова, главы Посеймской экспедиции из Курского государственного университета, при участии сумского археолога Виктора Владимировича Приймака и москвича Александра Владимировича Кашкина²⁴, некогда сподвижника Кузы на этом объекте.

²² Дмитриюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах... С. 26–27.

²³ См.: Куза А.В. Большое городище у села Горналь // Древнерусские города. М., 1981; Кашкин А.В., Узянов А.А. Об одном «несостоявшемся городе» на Верхнем Псле // Проблемы ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994.

²⁴ См. предварительные результаты этих новых раскопок: Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сб. статей и материалов / Ред. А.И. Раздорский. Курск, 2015.

А Дмитриуковым в том же сезоне 1829 года была изучена ещё одна могильная насыпь — между Суджей и Миропольем ²⁵. Она скрывала трупоположение, при котором нашёлся лишь фрагмент железного серпа.

*Находки из курганных раскопок Д.Я. Самоқвасова
в том же археологическом микрорегионе,
где начинал полевые исследования А.И. Дмитриуков.
По кн. «Атлас гочевских древностей...». М., 1915.*

На следующий 1830 год новоявленный археолог вернулся на курганники пригорнальские и в другой их группе раскопал восемь насыпей с трупоположениями на уровне дневной поверхности. В одном из этих курганов погребение оказалось коллективным — мужчина, женщина, ребёнок, как по костям определил Дмитриуков, которого в университете-то

²⁵ См. Кудинов Д. Мирополье. Исторический очерк. Сумы, 2012.

учили естествознанию. Зафиксировав преобладающую — головой на запад ориентацию покойников, Дмитриюков собрал при них довольно богатый инвентарь. В его составе выделялись украшения, определённые позднее А.А. Спицыным как принадлежащие летописным северянам: спиралевидные височные кольца, бронзовые перстни; импортные бусы — стеклянные разных цветов, в том числе византийского производства с золотой и серебряной фольгой; бронзовые подвески-бубенчики, налобный венчик из серебра. Довольно точное описание находчиком этих вещей позволяет предположительно датировать захоронения этой группы XI — началом XII века. Остатки затканной серебряной нитью головной повязки, похоже, отмечали могилы девушек, не успевших побывать замужем — их, по древнему обычаю, хоронили в уборе невесты...

Ещё один курган, на сей раз при дороге из Суджи в Сумы, Дмитриюков раскопал в 1833 году, руководствуясь при этом указаниями одной из тех «кладовых рукописей», что фигурировали в предыдущем параграфе моей работы. Разумеется, что никаких сокровищ в насыпи не оказалось; содержались там лишь «глиняная расколота черепушка» (то есть урна со следами кремации тела покойника где-то на стороне от самого кургана). На основании столь общей характеристики погребального сосуда сказать что-либо о разрытом тогда кургане сейчас трудно, хотя можно предположить тут роменское, а то и раннеславянское погребение. Во всяком случае, схожий обряд присутствовал в расположенных по соседству курганах села Артюшкова Рыльского района, изученных в 1994 году экспедицией В.В. Енукова и отнесённых им к ранним здесь славянам, их колочинской культуре VII века новой эры. В Артюшкове тоже присутствовали развеянные на меже кургана кальцинированные кости сожжённого на стороне покойника и ритуально разбитый при сооружении насыпи сосуд²⁶.

По возвращению с археологических экскурсий А.И. Дмитриюков продолжал штудировать Карамзина и другие исторические сочинения и источники. То, что привлекло в них его внимание в связи с обнаруженными в рыльских да суджанских курганах древностями, представляется нам сегодня опять-таки весьма здравыми в общем догадками. Так, найдя летописное известие (под 1153 годом) о походах киевского князя Изяслава Мстиславича к берегам Псла для отражения половцев, краевед предположил в горнальских укреплениях славянский форпост на рубеже с кочевнической степью. Прослеженный им на местности «высокий вал со рвом составляет с прочими оврагами как бы крепость, имеющую за собой кладбище» — курганник. Зоркому первоисследователю очевидно «искусство в защищении сих мест и границ великорусских княжений»; ему открылись следы «неоднократных сражений с татарами и другими неприятными народами».

К сходным выводам приводили его курганные находки — изделия высокоразвитого ремесла (разнообразные бусы, браслеты, перстни, височные

²⁶ См.: Енуков В.В., Енукова О.Н. Артюшковские курганы на Сейме // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.

кольца, шейные гривны и т.п.). Такие вещи могли принадлежать народу, «более или менее образованному», каким курский историк находил восточных славян накануне христианизации. «А если принять слова Масуди: "У русских и славян, живших на Итиле, сожигаются вместе с мужьями и жёны", — рассуждал он, — то, может быть, в этих банках, стоящих по две в одном кургане, были сожжённые тела мужа и жены, а в курганах с одной банкой были прах и кости одного покойника»²⁷.

Особый интерес возник у Алексея Ивановича к архивным документам, находящимся в поле зрения суджанского жителя. Он делал записки из межевых книг XVII–XVIII веков, копировал некоторые грамоты того же времени, обнаруженные в хранилище Николаевского Белогорского монастыря (вскоре, кстати, запустевшего; после революции превращённого в интернат для сирот, а в 2002 году возвращённого Курско-Рыльской епархии РПЦ) и «присутственных мест» уездных центров губернии. «Весьма желательно, — по убеждению А.И. Дмитриюкова, — чтобы живущие в Белгороде и имеющие возможность получить сведения в архивах занялись отысканием актов, указывающих на пребывание в сих местах неизвестного нам народа, в большом селении [Старобелгородском городище] жившего». Рассчитывал историк и на частные собрания старинных бумаг, прежде всего у потомков казачьих старшин курско-белгородской части Слободской Украины с её поселенческой системой в виде казачьих полков. «Любители отечественных древностей легко себе представят пользу, могущую произойти для Истории от дальнейшего и подробного исследования сих предметов»²⁸, — надеялся, и не без основания, Алексей Иванович.

Для проверки своих гипотез учитель и в 1831 году приезжал в очередной раз на горнальские курганы. Тогда «разрыты были ещё многие, при пособии помещика села Рождественского, майора Г.П. Хлопова, и вещи в них попадались подобные упомянутым». Когда же Дмитриюкова в 1848 году из Суджи перевели в Рыльск, он и тут летом 1849 года обследовал городище, так называемую гору Ивана Рыльского в самом центре этого старинного городка, нашёл пещеры (земляные церкви?) на её склонах и, наконец, раскопал два кургана в монастырском саду неподалёку. Те оказались похожи на суджанские по языческому обряду погребения сожжённых покойников в урнах, помещаемых на земляную подсыпку. Их вероятная дата — IX–X столетия, когда идейное влияние христианства ещё не отразилось на погребальном обряде наших предков и они не начали от кремации переходить к ингумации. Об этом можно судить в свете рыльских раскопок 1980–1990-х годов, которые здесь вели сперва московский археолог Михаил Васильевич Фролов, а затем курянин Владимир Васильевич Енуков.

²⁷ Дмитриюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах... С. 37.

²⁸ Дмитриюков А.И. О курганах и могильных насыпях в Суджанском уезде // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. 1828. Ч. 2. Кн. 1. № 4. С. 218.

В итоге всех этих историко-археологических поисков Дмитриуков осторожно предположил в изученных городищах остатки славяно-русских городов, а в курганах — их кладбища. Эта версия оказалась в общем правильной; нашла подтверждение и конкретизацию в исследованиях русских, советских, российских учёных.

Курган «Чёрная могила» в городе Чернигове — легендарное погребение князя Чёрного — в процессе раскопок Д.Я. Самоквасовым в 1871 году.

*Гравюра — иллюстрация из кн. Элизе Реклю «История Земли».
Обнаружена А.С. Щавелёвым (Институт всеобщей истории РАН).*

Обратим внимание, что смелый прорыв к принципиально новым источникам познания далёкого прошлого — археологическим, не вызвал у гимназического преподавателя источниковедческой эйфории. Его соображения о возможном значении городищ и курганных вещей носили достаточно общий и потому корректный характер; летописные параллели к ним приводились ради пояснительной аналогии, а не с фольклорно-дилетантской псевдоконкретизацией. «А не этот ли летописный, даже былинный персонаж похоронен в нашем кургане»? «А не жила ли этот самый герой на соседнем городище?» — сплошь и рядом рассуждают так называемые краеведы из редакций районных и областных газет, средних школ, клубов, а теперь даже институтов да университетов. На заре исторической науки в нашей стране её скромный любитель из уездной глубинки сделал — едва ли не самым первым во всей России — в области регионалистики именно те шаги, которые позволяли ему доступные

источники. Без всяких фантазий и домыслов, на которые до сих пор горазды неграмотные и самозваные «краеведы».

Оценим логику исследовательского проекта, задуманного и осуществлённого настоящим курским краеведом: от осознанной исторической проблемы — к раскопкам, разведкам на местности; а затем, ради объяснения полученных в поле результатов — к сохранившимся письменным, печатным и архивным источникам о прошлом этой земли. Подобной методологической схеме, комплексному подходу к анализу источников, что нащупывал Дмитриюков, принадлежало будущее в изучении начальных веков отечественной истории. Гипотетические выводы самого первого в Курской губернии краеведа носили, вполне понятно, предельно общий характер и на историческую науку того времени сразу не повлияли. Впрочем, признания со стороны русских историков, включая самых видных вроде С.М. Соловьёва или В.С. Ключевского, археология так и не дождалась по крайней мере до начала нынешнего столетия. К вещественным источникам абсолютное большинство университетских профессоров относилось с недоверием, опасением вплоть до второй половины XX века, когда в учебниках по отечественной истории стали появляться археологические начала.

Скромным, но весьма симптоматичным образцом необходимости полевой, экспедиционной проверки некоторых кабинетных выкладок на исторические темы явилась заметка Дмитриюкова о действительной топографии реки Локни, фигурирующей в одном из летописных эпизодов русско-половецких столкновений. Смотрителю уездных училищ удалось поправить в этом частном вопросе Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва, называвших эту речушку притоком то ли Выры, то ли Сейма, а она на поверку оказалась притоком реки Суджи²⁹.

Не менее любопытна *методика дмитрюковских раскопок*, определённая им же для себя в то время, когда никакой официальной методики археологических работ в нашей стране не было принято вплоть до 1874 года (тогда III Киевский съезд археологов утвердил первую инструкцию на сей счёт). «При разрытии ... курганов, — пояснял наш автор, — я не перерезывал их крестообразным рвом, но, отмерив наверху пространство в квадратную сажень, углублялся до основания кургана». Сейчас археологи уже оставили такой способ вскрытия курганных насыпей — «колодцем» как несовершенный. При нём остаются недоисследованными отлогие края могильного холма, иногда содержащие дополнительные сведения о захоронении, а то и позднейшие, впускные погребения. Однако отмеченный приём вплоть до начала XX века оставался самым распространённым при

²⁹ См.: Дмитриюков А.И. Река Локня // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим обществом. Вып. V. СПб., 1862; *Его же*. О селе Горналь Суджанского уезда // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. Кн. 3. СПб., 1864; *Его же*. О насыпях Рыльского уезда // Московские ведомости. 1848. № 157.

раскопках курганов и в России, и за границей, рекомендовался археологическими инструкциями тех лет. Учтём и то обстоятельство, что дореволюционные археологи, начиная с самого Дмитриюкова, не располагали техникой и достаточными денежными средствами, чтобы перемешать большие массы земли, чего требует нынешняя методика копать насыпь кургана целиком, на снос. «Для сего потребны и познания, и время, и пособия капитала, — сетовал А.И., — что всё редко даётся в удел одному».

Автор (справа от зрителя) разведывает верховья реки Суджи. 1997 год.

Кроме всего прочего, грубоватые, с точки зрения будущей научной методики, раскопки курского краеведа носили охранный, даже спасательный характер. При первоначальном осмотре курганников в верхнем поречье Псла и среднем Сейма он насчитал в общей сложности до двух тысяч отдельных насыпей. «Во всех группах, проезжая после те места, заметил я, — сообщает наш автор, — весьма большое уменьшение их от распашки, которой ежегодно уничтожается весьма большое их количество, особливо по мере вырубki леса». К сегодняшнему дню почти все горнальские и многие рыльские курганы разрушены практически без следа — после крестьянских сох по ним прошли колхозные «стальные кони», дорожные грейдеры и т.п. техника, вплоть до так называемых сегодня «чёрных археологов» с металлодетекторами и лопатами.

Полученные Дмитриюковым-археологом результаты невелики по объёму, но, надо признать, достаточно информативны, важны, даже для нынешних исследователей, не говоря уже о современниках суджанского

патриота. Хотя он ещё не представлял себе необходимости помогильной фиксации находок и графического изображения каждого расчищенного погребения, однако достаточно подробно описывает устройство однотипных могил, структуру курганной насыпи, состав её почвы, способ захоронения, положение останков покойного или урны с его прахом, перечисляет весь погребальный инвентарь, извлеченный из данной группы курганов. Часть своих находок краевед год спустя после раскопок отослал в Императорскую Академию наук.

С этим учреждением у него к тому времени наладилась корреспондентская связь: сначала он препроводил туда «описание метеоров, кои были наблюдаемы в ночи от 31 октября 1831 года». Конференция академии изъявила ему свою признательность, занесённую в послужной список этого чиновника по ведомству министерства народного просвещения. Некоторые вещи из суджанских курганов находчик уступил профессору Харьковского университета А.С. Венедиктову³⁰ и другим знакомым, а большинство подарил Курскому статистическому комитету (выполнявшему тогда, кроме всего прочего, историко-краеведческие функции, о чём у нас речь пойдёт ниже). Судьба этой последней части дмитрюковской коллекции оказалась самой счастливой — много позднее она легла в основу экспозиции первого губернского музея, созданного в Курске в начале XX века.

Помимо других школьных предметов Дмитрюкову приходилось вести уроки рисования и черчения. Поэтому изображённые им планы местности, с указанием обнаруженных археологических памятников, точны и даже изящны. То же относится и к рисункам, которые он выполнил (в масштабе, а частью в натуральную величину) с наиболее замечательных вещей (включая сосуды), найденные в курганах³¹. С подобной же скрупулёзностью описаны им городища — отмечены их очертания, состав почвы, высота, площадь, конфигурация валов и рвов, соседние стационарные ориентиры, рассказы местных жителей про эти памятники старины, результаты их шурфования и сбора подъёмного материала вокруг них.

Важным шагом на пути к научной археологии можно считать дмитрюковский опыт сопоставления полевых материалов отдельных памятников одного географического микрорегиона (суджанских и рыльских). Дмитрюков предвидел необходимость сводных карт археологических объектов отдельных регионов страны. «Протяжение прерванных в одном уезде валов, замеченное в других уездах и губерниях, могло бы — с его точки зрения — дать справедливую догадку о месте, защищаемом этими

³⁰ Александр Саввич Венедиктов (1799–1890) — после окончания Курской гимназии и Харьковского университета специализировался на анатомии и остался при этом университете в должности первого прозектора; стал специалистом по бальзамированию трупов (мумифицированию). Так что его интерес к древним костям и вообще останкам был вполне профессиональным.

³¹ См.: *Дмитрюков А.И.* Изображение [и перечень] вещей, найденных в могильниках, находящихся в Курской губернии Суджанского уезда // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 231. Ч. 5. Оп. 4. Д. 18.

рвами и проч.». Подобные своды памятников истории и археологии в дальнейшем, как известно, были составлены и перенесены на карты соответствующих районов. С их помощью осуществлялись будущие разведки профессиональными археологами, а теперь налаживается охрана уцелевших памятников материальной старины.

Весьма подробные статьи о проведённых раскопках учителю из южнорусской глубинки удалось поместить не только в «Курских губернских ведомостях», но и в «Ведомостях» московских, газетах киевских и харьковских, а также таких внушительных альманахах, как «Исторический, статистический и географический журнал», «Вестник Императорского Русского Географического общества». Благодаря этим публикациям о раскопках на курской земле узнали по всей Российской империи, а она простиралась тогда от Варшавы до Аляски.

Далеко не все корреспонденции провинциала принимались столичными редакторами и издателями к печати. Многие надолго оседали в редакционных портфелях, глохли в архивах учёных обществ. Характерно для тогдашнего состояния науки об исторических древностях пренебрежение к статье Дмитриюкова, проявленное в элитарном Императорском Русском Археологическом обществе (ИРАО), базировавшемся в столице. Его рукопись пролежала там без отклика и движения несколько лет и, в конце концов, была опубликована автором в «Известиях» Императорского Русского географического общества, отнюдь не менее респектабельного, чем ИРАО. Между тем собственно археологические сюжеты у многочисленных корреспондентов Географического общества были сравнительно редки. Уездный учитель Алексей Иванович Дмитриюков оказался одним из нескольких первопроходцев науки и журналистики на археологические темы.

Так, в материалах первых (по алфавиту) одиннадцати областей и губерний России (от Акмолинской до Воронежской), отложившихся в Научном архиве этого Географического общества за вторую половину XIX – начало XX века, только одна, из Воронежа, конца XIX века ³² непосредственно посвящена материальным древностям. Это лишнее подтверждение приоритета Дмитриюкова-археолога.

Один из основоположников научной археологии в России — профессор Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) в 1872 году свои масштабные, многолетние раскопки восточнославянских памятников начал с Курской губернии, отправился в её Суджанский уезд — не случайно, а именно «руководствуясь работами г-на Дмитриюкова» ³³. Вполне вероятно, что те же

³² См.: *Вейнберг Л.Б.* Очерки замечательных древностей Воронежской губернии. 1891 г. // Описание коллекций рукописей Научного архива Географического общества СССР. Вып. 1. Л., 1973. С. 87.

³³ *Самоквасов Д.Я. – Жедринскому А.Н.* 20 ноября 1873 года // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63. Л. 53.

См. также: *Щавелёв С.П.* Первые страницы истории курской археологии (А.И. Дмитриюков и Д.Я. Самоквасов) // История и археология юго-востока Руси / Сост. В.В. Енуков, Н.А. Тихомиров. Курск, 1991.

публикации послужили вдохновляющим примером и для некоторых других новаторов в деле изучения русских древностей. Во всяком случае ссылки на эти работы открывают историографические обзоры всех остальных русских, советских и российских исследователей археологии Курского Посеймья — Д.И. Багалея, П.В. Голубовского, Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына и прочих; А.Е. Алиховой, И.И. Ляпушкина, Ю.А. Липкинга, А.И. Пузиковой, А.В. Сухобокова, А.В. Кузы, А.В. Кашкина, М.В. Фролова, В.В. Енукова и других. Такое внимание — большая редкость для печатной продукции почти двухсотлетней давности, которая обычно представляет интерес разве что для историографов, нежели практических исследователей самих источников исторического знания.

*Молодайки (первый год замужества) в праздничных нарядах.
Суджанский уезд Курской губернии.
Сохранила на сайте Pinterest.ca Вера Алексева.*

Надо сказать, что сам первоисследователь надеялся на такую научную эстафету «в труде, превышающем силы одного лица», «требующим усилий многих любителей древностей», как он оговаривал в итоге своих очерков — близких прообразов полевых отчётов будущих археологов. Археологические очерки курского учителя со временем сами приобрели характер исторических первоисточников, хотя бы потому, что многие

археологические и документальные памятники, им опубликованные и архивированные, к сегодняшнему дню утратились безвозвратно.

Не меньшую пользу отечественной науке оказали *этнографические наблюдения А.И. Дмитриюкова*. В качестве члена-сотрудника Императорского Географического общества (с 1853 года), при котором имелось отделение этнографии, он на протяжении 1850-х годов подготовил цикл работ об образе жизни и народных традициях своих земляков — суджанцев и рылян. По собственным впечатлениям и архивным источникам описываются им конструкции жилищ (изб и усадеб вокруг них, с планами строений и рисунками фасадов), «внешнее и внутренне убранство дворовых принадлежностей и домашней утвари»; одежда и пища, праздничные и повседневные; народные обряды — свадьба, родины, крестины, похороны, поминки, колядования и прочие; навыки воспитания детей; различия в нравах украинцев и русских, в укладе жизни дворянства, купечества, мещанства и крестьянства.

Информация «небезызвестного курского этнографа» (как именовали его издатели) была опубликована им только частично, в нескольких сжатых очерках ³⁴, а полные рукописи соответствующих работ отложились в архиве Географического общества ³⁵, которое, слава богу, ценилось и финансировалось и императорской, и советской, и нынешней российской властями. В научный оборот их ввёл, хотя бы отчасти, выдающийся русский этнограф Дмитрий Константинович Зеленин в своём систематическом описании этого архива. Общепризнанный лидер славянской этнографии, Зеленин называл манускрипты Дмитриюкова «выдающимися по подробности описания» ³⁶ и рекомендовал напечатать их, чего, к сожалению, исполнено до сих пор не было. Так что в том же архивохранилище Российского (теперь) Географического общества, что базируется в бывшем особняке графов Бобринских в Санкт-Петербурге, всё ждут, скоро два столетия, своих

³⁴ См.: *Дмитрюков А.И.* Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов // Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1853. № 6–8, 11–13; *Его же.* Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде // Московский телеграф. 1831. Ч. 39. № 9. С. 255–271; № 11. С. 359–377.

³⁵ См.: *Дмитрюков А.И.* Образование в городе Рыльске и его уезде. 1854 г. // Архив Географического общества России. Ф. 19. Оп. 1 Д. 20. Л. 1–4; *Его же.* Сборник собственных имён, употребляемых русскими и малороссиянами [в Курской губернии] 1850 года // Там же. Д. 17. Л. 1–1 об.; *Его же.* Домашний быт жителей Рыльского и Суджанского уездов Курской губернии. Ч. 1. 1850 год. Ч. 2. 1851 год. Ч. 3. 1852 год. // Там же. Д. 16. Л. 1–19 об.; *Его же.* Малороссийская свадьба с песнями, собранными в Суджанском уезде. 1858 г. // Там же. Д. 26. Л. 1–19; *Его же.* Дополнение к очеркам демонологии малороссиян // Маяк. 1842. Кн. XII; *Его же.* Очерк демонологии малороссиян // Москвитянин. 1865. Т. XII. Кн. 25.

³⁶ *Зеленин Д.К.* Материалы для описания Курской губернии, хранящиеся в Учёном архиве Императорского Русского Географического общества // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912. С. 113–115.

исследователей очень вовремя скопированные Дмитриюковым архивные акты исторического содержания ³⁷.

*Дворцово-парковый ансамбль Марьино в Курской области.
Санаторий Управления делами президента РФ.
Фото с сайта туристско-информационного центра Курской области.*

Некоторые описи суджанского педагога выполнены в смешанном, синкретическом жанре. Они ближе всего, пожалуй, к географическому краеведению. В его «Сведениях о некоторых местностях Курской губернии» — очерках о Судже, Рыльске, Мирополье, окружающих эти городки сёлах и урочищах, — отражены и живописнейшие пейзажи края, и памятники церковной и светской архитектуры, и те же курганы с городищами. Примем в расчёт, что в середине позапрошлого века русская интеллигенция в своём большинстве куда чаще восхищалась итальянскими да французскими ландшафтами, нежели пыльными просёлками и «нищими селеньями» своих собственных губерний, где всё окрест было слишком привычно глазу, чтобы

³⁷ Дмитриюков А.И. Окружная межа Миропольского уезда [с приложением карты] // Архив Географического общества России. Ф. 19. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–4 об.; Его же. Отказная книга новому городу Судже, учинённая 1664 года стольником Герасимом Семёновичем Рагозиным // Курские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1851. № 3; Его же. Список с грамот и указов, жалованных Сумского полка черкасским казакам. // Там же. 1853. № 16-17; Его же. Список с описи окружной межи Суджанского уезда // Там же. 1853. № 32; Сведения о Рыльске. Две отписки Яблоновского воеводы // Там же. 1864. № 48–49; Из переписки воевод // Там же. № 25, 30.

волновать эстетические и моральные чувства. А вот этому рыльскому жителю «из домов, расположенных около площади и из самой площади и горы, на которой церковь Иоанна Рыльского, открывается горизонт на юг и на восток более, нежели на двадцать вёрст, с бесчисленными, блестящими полосами сеймской воды, с множеством лугов, роц, деревень, сёл и как бы в конце картины виднеется село Ивановка с белокаменными зданиями Марьиной, резиденции князя Барятинского...»³⁸. Сегодня этот вид, конечно, несколько изменился, но не слишком.

Словесные описания, подобные процитированному, подкреплялись акварельными зарисовками самого Дмитрюкова и его учеников³⁹. За сто с лишним лет тамошняя натура под натиском научно-технического прогресса, в ходе мирныхстроек и сражений мировой войны, прочих коллизий, претерпела, понятно, некоторые изменения, но, повторю, не слишком радикальные. Рыльск, между прочим, теперь включён в число заповеданных ЮНЕСКО памятников культуры, так что старые краеведческие материалы, подобные дмитрюковским, способны оказать неоценимую помощь современным исследователям и реставраторам.

В 1857 году Алексей Иванович удостоился благодарности Императорского Русского Географического общества «за содействие, оказанное к составлению "Путеводителя по России" — "для путешествия Августейшего председателя Общества Великого князя Константина Николаевича"». Курский корреспондент представил тогда свои *страноведческие материалы* о Рыльске, Судже и Мирополье.

Часть этих данных была опубликована в похожем по жанру издании — «Путеводителе от Крыма до Москвы. В 3 частях», составленном А.Ф. Штакельбергом⁴⁰ (СПб., 1858). Для этой книги Дмитрюков описал

³⁸ *Дмитрюков А.И.* Сведения о некоторых местностях Курской губернии // Архив Географического общества России. Ф. 19. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

³⁹ См.: *Дмитрюков А.И.* Город Рыльск. Приложения. 1. Вид города Рыльска со стороны реки Сейма с «Чёртова кургана». 2. Вид Рыльского Николаевского монастыря с городской стороны; Рис. М. Чистякова. 1851 год // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 231. Ч. 3. Оп. 4. Д. 15.

Публикация в кн.: *Щавелёв С.П.* Облик старого Рыльска на взгляд А.И. Дмитрюкова // Малые города России. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (1–3 июня 2000 г., г. Рыльск). Ч. 1. Курск, 2000. С. 48–50.

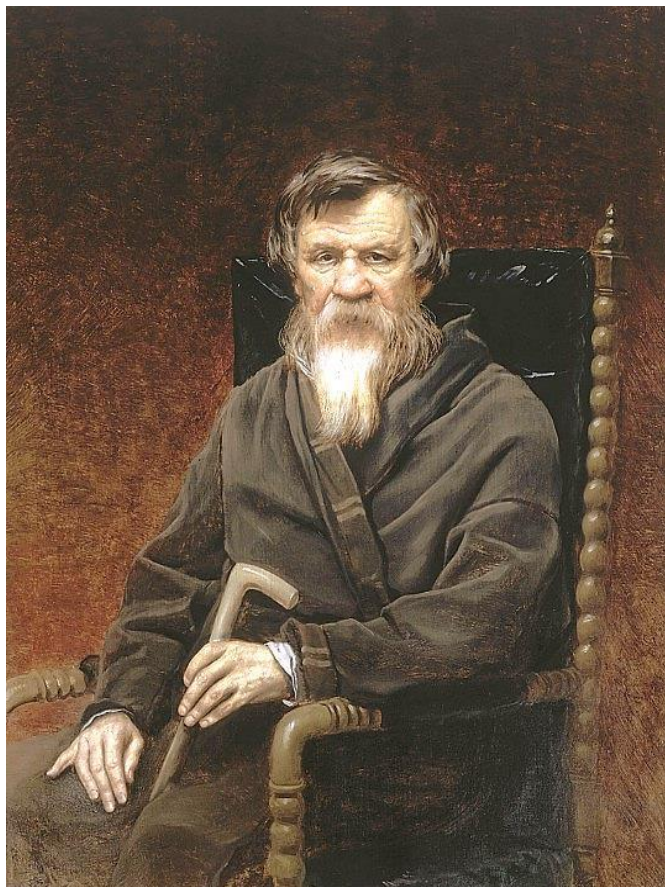
Обратим внимание на оставшиеся в рукописи работы А.И. Дмитрюкова: О состоянии садов. 1851 год; Падающие облака. 1851 год // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 231. Оп. 4. Ч. 3. Д. 15. Л. 1–4; Д. 41. Л. 5; Д. 39. Л. 1–1 об.

Наконец, см. его же газетные материалы: Строитель-самоучка // Курские губернские ведомости. 1864. № 13; Концерт в Судже с благотворительной целью // Там же. № 19; Кликуша (из Дмитриева) // Там же. № 26; Кто должен быть учителями в сельских школах // Там же. № 36; О необходимости провести шоссе через Суджу // Там же. № 40; Рыльск и рьяне // Там же. № 41; О земских учреждениях // Там же. 1865. № 17; Об отчуждении старозаимочных земель // Там же. № 22.

⁴⁰ *Адольф Фёдорович Штакельберг* (1808–1865) — служащий министерства государственных имуществ, затем министерства внутренних дел, много и плодотворно занимавшийся статистикой и географией Российской империи.

Рыльск и его окрестности, а коллежский советник из Курска Бигневич — достопримечательности губернии в целом.

«Желательно, чтобы почтенные особы, занимающие звания учителей, в городах губернских и уездных, так хорошо составляли поставленные им в обязанности статистические описания места их жительства, как составил его г-н Дмитриюков», — писал в предисловии к одному из цитированных нами очерков издатель «Московского телеграфа» Н.А. Полевой, сам родом курянин, немало проживший в Курске.

*Портрет М.И. Погодина кисти В.Г. Перова. 1872 год.
Государственная Третьяковская галерея.*

С таким отзывом собрата по литературному цеху соглашался и маститый *Михаил Петрович Погодин*. С этим выдающимся учёным-историком, писателем-прозаиком и драматургом Алексея Ивановича связывало многолетнее эпистолярное общение. В погодинском архиве, находящемся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской Государственной библиотеки, сохранилась подборка писем Дмитриюкова за 1843–1868 годы, а кроме того, несколько его же рукописей на педагогические, археологические и вообще краеведческие темы. Отправитель надеялся, что «они найдут место в Вашем, Михаил Петрович, или каком-либо ином журнале» (С 1827-го по 1830 год Погодин издавал «Московский вестник», с которым охотно сотрудничал и А.С. Пушкин).

Опубликоваться в Москве краеведу удавалось, правда, не всегда, но моральная поддержка авторитетного журналиста и издателя дорогого стоила⁴¹. Для прославленного погодинского «Древлехранилища» — коллекции рукописей и предметов материальной культуры старой Руси — Дмитриюков присылал старопечатные книги XVII–XVIII веков; некие старинные монеты, поднятые им на распахиваемом городище; перечни и зарисовки других своих археологических находок. Погодин, в свою очередь, одаривал его собственными сочинениями по мере их публикации. Надо сказать, что практика распределения археологических находок среди знакомых и коллег для тех времён и ещё долго впоследствии была обычной даже для весьма учёных людей. Понимание того, что всем находкам с определённого памятника старины место в общественном музее, а не в руках профанов или частных коллекционеров, постепенно утверждалось в сознании интеллигенции на протяжении всего XX века.

Кое-что в образе мыслей и оборотах речи этих наших культуртрегеров былого времени, к коим принадлежал Дмитриюков, своего рода протоинтеллигенции, сегодня выглядят странно, даже комично. К примеру, пуритански настроенный учитель с негодованием осуждает текущую «по свободному произволению» жизнь уездного дворянства; именует «нравственной заразой» модные лавки; сравнивает народные игрища и ярмарочные балаганы с «языческим праздником Бахуса», когда женщины ведут себя «как сущие вакханки».

Впрочем, в иных сюжетах переписки нашего учителя со столичными персонами ветхозаветность переплетается с реалистическими оценками и прогнозами. Так, особый трактат посвящён Дмитриюковым местной винокуренной промышленности и массовому потреблению народом её продукции. «Пьянство, — по его приговору, — есть совершенно произвольное самоубийство». Ради искоренения сего порока, «против распространения кабаков с их дешёвкой-сивухой, предлагается подвергать всевозможным взысканиям «замеченных в пьянстве или только выпивших парней и девок», а допившихся до смерти алкоголиков «не хоронить на общих кладбищах как самоубийц — для большего страха народа»⁴².

Проскальзывают в дмитрюковских бумагах и консервативно-охранительные, националистические ноты, находящие сочувственный отклик у того же Погодина, ставшего напомним, апологетом пресловутой «теории официальной народности». Тут ими отмечается и видимость «ополячивания внутренних русских губерний», и некие «интриги шляхто-папизма»; прочие

⁴¹ См.: *Умбрашко К.Б.* М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999.

⁴² *Дмитрюков А.И.* — *Погодину М.П.* 18 февраля 1868 года // Там же. Д. 41. Л. 1 об.

См. также: *Дмитрюков А.И.* О винокурении, бывшем в местах малороссийских до введения кубов обыкновенных и паровых // *Вестник Императорского Русского Географического общества.* Ч. XV. СПб., 1855.

О взаимоотношениях маститого историка, модного издателя с провинциальными коллекционерами см.: *Умбрашко К.Б.* М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. М., 1999.

ламентации псевдопатриотического свойства. Впрочем, противоречия, конфронтация разных церквей, тех же Русской православной и униатской, московской и украинской продолжается в районах бывшей Слободской Украины и до сего дня.

В этой связи отметим, что официальной тогда идеологии «православия, самодержавия и народности», сформулированной министром народного просвещения Сергеем Семёновичем Уваровым в 1833 году, соответствовала новая волна интереса русских людей к истокам своей истории. Этот момент в развитии российской ментальности вышел на удивление противоречивым. Искренний энтузиазм учёных путешественников, первых краеведов на местах относительно документальных и вещественных остатков родного прошлого сочетался с проявлениями грубого национализма на той же почве, частым пренебрежением к объективному исследованию вновь открываемых памятников.

Отголоски подобных коллизий в умонастроениях россиян звучат и сегодня. Давно устаревшие сочинения по славяно-русской истории, археологии и этнографии, вышедшие в николаевскую эпоху, принадлежащие перу первых наших антиквариюв — Ивана Петровича Сахарова (1807–1863), Ивана Михайловича Снегирёва (1793–1868), Михаила Дмитриевича Чулкова (1743–1792) и других; просто бредовые сочинения дилетантов от археологии вроде садовника по профессии, родом немца Егора Ивановича Классена (1795–1862)⁴³ и иже с ним, переиздаются в 1990–2010-е гг. немалыми тиражами, преподносятся как учебные пособия для школьников и студентов. Следует согласиться с реалистичным отзывом А.А. Формозова по данному поводу, что конца подобной профанации не видно⁴⁴. Александр Александрович не дожил до времени, когда среди историков разгорелся скандал с диссертациями министра культуры В.Р. Мединского, который под видом борьбы с мифами иностранных путешественников о России, публикует собственные новые мифы о том же самом...⁴⁵

⁴³ Вот цитата из сравнительно недавнего издания: *Белякова Г.С.* Славянская мифология. Книга для учащихся. М., «Просвещение» [sic! — С.Щ.], 1995. С. 39: «Историк [? — С.Щ.] Е.И. Классен считал, что кельтами была основана Верона (ныне итальянский город), а шотландские кельты составляли выселок прибалтийских венедов». Вся глава этого пособия называется: «Кельты — ваны — венеды — вятичи». Подобными нелепицами пособие перенасыщено. Оно отнюдь не единственное в таком антинаучном роде в потоке нынешней псевдоисторической литературы. Между тем одно название книжонки Классена должно отпугивать взрослого читателя: Новые материалы для древнейшей категории славян вообще и славяноруссов в особенности с лёгким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. 1–3. СПб., 1861.

⁴⁴ См. подробнее: *Формозов А.* Старая историческая литература на сегодняшнем книжном рынке России // *Книжное обозрение.* 1996. № 17. С. 9.

⁴⁵ Когда я писал эти строки, услышал по радио среди новостей: диссертационный совет исторического факультета МГУ отказался пересматривать докторскую диссертацию этого министра под предлогом того, что в ней не обнаружено плагиата. Между тем критики работ Мединского обвиняют его отнюдь не в плагиате, а в отсутствии в его работах элементарной научности, не говоря уже о новизне выводов. А прежде МГУ ушёл

Но знающие, благородные любители археологии на просторах российской провинции, первым из которых был Алексей Иванович Дмитриюков, тоже не переводятся и с энтузиазмом делают своё важное для национальной культуры дело, о чём я ещё буду рассказывать в следующих разделах своей книжки.

* * *

Так что при оценке первых шагов отечественного древлеведения вряд ли стоит сейчас акцентировать отрицательные, реакционные, обусловленные временем и средой черты мировоззрения наших предшественников и современников на поприще исторического краеведения. Куда важнее напомнить об их действительных заслугах. Особенно много их принадлежит Алексею Ивановичу Дмитриюкову — неутомимому и бескорыстному собирателю научных фактов, причём как по природоведческой, так и по гуманитарной частям родинознания ⁴⁶. В его педагогической и научно-исследовательской деятельности сложился образец просвещённого краеведения — своего рода вспомогательной отрасли для целого ряда научных дисциплин и академических институтов. Собирая ценный фактический материал для археологии, истории, этнографии, географии, экономики, уездный учитель на практике, что называется ошупью определил методики полевой проверки кабинетных гипотез. Такого рода комплексному источниковедению при познании прошлого принадлежало перспективное будущее. Пошедшие вслед за ним профессиональные исследователи в области археологии и истории, этнографии и экологии, искусствоведения и языкознания, других областей науки и музейной, школьной практики с пользой и благодарностью используют накопленные им материалы, не только прежде опубликованные, но и хранящиеся в архивах. Этот человек по праву заслужил почётное звание одного из первых археологов и этнографов России.

от оценки псевдоисторических опусов министра учёный совет Екатеринбургского университета. Министры (С. Уваров, В. Мединский), профессора, историки — что-то в России не меняется с николаевских времён... Финал истории с учёной степенью этого министра известен: президиум ВАКа, вопреки мнению экспертного совета по истории, оставил её за Мединским. Такое предложение высказал в конце концов диссертационный совет по истории при Белгородском государственном университете. Как говорится, не мытьём, так катаньем.

⁴⁶ См.: *Щавелёв С.П.* А.И. Дмитриюков — первый курский археолог и этнограф // Архивная находка. Тезисы выступлений на краеведческих чтениях. Вып. 1. Курск, 1992; *Его же.* Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820–1830-е годы // *Российская археология.* 1996. № 4.

Рассмотренные в первой главе этой книги курские материалы представляются весьма показательными для начальных отрезков вызревания соответствующих разделов духовной культуры и гуманитарной науки всей нашей страны. Эти материалы высвечивают самые типичные моменты и рубежи в предыстории российской археологии, этнографии, архивистики и других областей исторического познания.

Вкратце повторим содержание рассмотренных уже этапов становления отечественного древлеведения.

Донаучный, или же *фольклорный, период* отражения местной старины в народном сознании и поведении самый длительный; он уходит своими корнями в отдалённые века этнического самоопределения славян, а потом и русских. В «снятом» (по Гегелю), преобразованном новыми и новейшими идейными веяниями виде, этот пласт общественного сознания по сути вечен, представляя собой историко-археологические темы для суждений народной мудрости (и глупости!), ментальных установок по отношению к разного рода памятникам далёкой старины. Имеются в виду те своеобразные представления, — то реалистично-прозорливые, то искажённо-фантастические, то причудливо сочетающие мифо-поэтическое воображение с довольно историчной памятью тех же самых общностей людей, соотечественников и, особенно, земляков. Ведь исторические сюжеты фольклора с расселением этноса, развитием народной культуры — от мифа к эпосу и, далее, к сказке и паремиям, быличкам, повериям разного рода — конкретизируются по направлению от общенародной этногении к региональной, местной сюжетике. Результатом чего стало своего рода «народное краеведение».

Коренное население центральных русских губерний, в число которых входят южные, включая взятую нами за историографический эталон Курскую, сформировало свои собственные представления о находящихся на его территории искусственных насыпях земли — городищах и курганах; случайно находимых тут время от времени кладах и отдельных древних вещицах; некоторых исторических процессах и даже событиях, происходивших некогда в тех же районах. С этому же комплексу исторического (со)знания народа следует отнести *древнейшие данные топонимики* (славянской, а также иноязычной, но переосмысленной в славяно-русском духе). Наконец, память о прошлом, не исключено и весьма отдалённом, несут на себе отдельные, даже с забытым или полузабытым оттенком смысла детали народного образа жизни и быта, атрибуты материальной культуры.

Все эти, в первую очередь крестьянские, народные знания и черты практики, связанные с исторической древностью, интересуют прежде всего фольклористов и этнологов. В качестве дополнительного источника информации эти же сведения могут быть полезны историкам и археологам. В особенности при разведках, первичном картографировании и музеефикации

памятников старины. Забота представителей государственной власти, общественных объединений и академических корпораций о фиксации, популяризации, изучении историко-археологических аспектов русского фольклора должна сочетаться сегодня с посильной нейтрализацией негативных, варварских импульсов того же самого народного сознания относительно тех же памятников истории и культуры. Кладоискательству, грабительским «раскопкам», «чёрному рынку» общенациональной ценности антиквариата, сносу старинной архитектуры и схожим преступлениям перед национальной историей должны ставиться педагогические, юридические, правоохранительные барьеры.

Творческую задачу представляет собой согласование фольклорных представлений об истории, включая откровенные мифологемы, с научными фактами и гипотезами об истории края, населённого пункта, их достопримечательностей. Сегодня же нередко отдельные представители гуманитарной науки, работники учреждений культуры некритически подходят к фольклорным версиям истории края, пропагандируя их как истину в последней инстанции. В школьном преподавании, средствах массовой информации, учебной и публицистической литературе, на прочих каналах культурных коммуникаций необходимая сама по себе идеология патриотизма, включая земляческий, должна соответствовать научным реалиям и гуманистическим ценностям, а не потакать новоявленным мифам, не заниматься *вторичной фольклоризацией исторической архаики*.

Следующий — ***преднаучный, историко-географический отрезок накопления историко-археологических знаний*** — связан с освоением Российским государством вновь присоединявшихся к нему в XVII–XVIII столетиях центральных и южных районов страны. Если известная «Книга Большому чертежу» носила ещё вполне прикладной — военно-топографический характер, то последующие — гражданские, социально-экономические описания отдельных наместничеств, особенно материалы генерального межевания земель, перепланирования губернских и уездных городов вполне сознательно учитывали многие видимые на местности памятники древности, целенаправленно включали в себя исторические справки о данном регионе, основании и развитии его основных поселений, начиная с летописных времён.

Поскольку историческая информация, собранная гражданскими и военными топографами, а в особенности географами-путешественниками по заданиям Академии наук, во многом основывалась на документальных и вещественных первоисточниках, их критическом рассмотрении, то научная ценность её оказалась неизмеримо выше мелких фрагментов фольклорного протознания. Многие факты (данные об археологических объектах, топонимах, известиях народной молвы), важные для современной науки и культуры, отразились только в тех первых географо-экономических, страноведческих трудах. А сами эти объекты оказались уничтожены природной стихией или же технической экспансией человека (городской застройкой, сельскохозяйственными, гидротехническими, тому подобными

работами). Поэтому сочинения данного цикла, многие из которых остались в архивированных рукописях, заслуживают издания (или переиздания) сегодня. Снабжённые современным научным аппаратом, эти труды должны быть с большой пользой применены в профессиональной деятельности учителей, архитекторов, журналистов, экскурсоводов, многих других специалистов, не говоря уже о довольно широкой аудитории интересующихся историческим краеведением читателей.

*Автор в шурфе на раскопках в Первомайском саду в историческом центре Курска.
Экспедиция В.В. Енукова. 1994 год.*

Наконец, в качестве переломного на долгом и противоречивом пути становления науки об исторических древностях выделяется третий по нашему счёту **уровень** — **любительской, краеведческой истории, археологии и этнографии**. Дилетантские занятия гуманитарными науками становятся заметным явлением жизни российской провинции с конца XVIII, а особенно в первой половине XIX века. Отдельные энтузиасты, просвещённые, эрудированные по тем временам представители разных сословий русского общества начинают первые целенаправленные разведки и даже пробные раскопки курганов, городищ, фундаментов старинной архитектуры. С летописными и прочими историческими источниками губернских и уездных краеведов познакомили труды первых профессиональных историков России — В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, М.П. Погодина и прочих. У провинциальных любителей истории появилась источниковедческая привилегия — они пробовали сопоставлять добытые полевыми разысканиями материалы с показаниями письменных источников

(включая документы местного происхождения за предыдущие два-три века, сохранявшиеся на тот момент куда полнее нынешнего). Повторяя и отчасти дополняя общие схемы столичных корифеев науки, местные деятели тем не менее положили начало той методологии комплексного источниковедения, которую позднее, уже с начала XX века, пришлось осваивать, развивать и университетской профессуре.

Очерки местных древностей и нравов начинают публиковаться в академических и литературно-художественных изданиях, включая самые модные московские и петербургские. Корреспонденты, вообще сотрудники из провинции с самого начала их деятельности на nive выявления и изучения древностей получили моральную и организационную поддержку представителей академического мира, да и властных инстанций. Тому способствовала идеологическая обстановка многих царствований, начиная с Петра Великого с его кунсткамерными затеями и вплоть до Николая I с его национально-патриотическими лозунгами и указами. Наши материалы не подтверждают мнения о том, что тип историка-любителя сформировался у нас в сугубо частном порядке, независимо от официальной академическо-университетской науки ⁴⁷. Напротив, у лучших, наиболее креативных представителей «частной исторической науки» начальные замыслы и конечные результаты их исследовательских проектов, как правило, получали экспертизу, издательское применение, доброжелательную поддержку со стороны представителей профессиональной историографии. Неформально, на общественных началах налаживалась взаимосвязь столичных центров науки и литературы с провинциальными любителями отечественной старины.

Пионером такой, поначалу грубовато-эмпирической, но уже по-своему методичной истории да археологии поначалу насчитывалось не так много — по одному-два человека на каждую губернию или область огромной империи. Среди них помещик А.Д. Чертков в Подмосковье; иерей Е.А. Болховитинов в Киеве, Воронеже и Новгороде; польский вояжёр по разным краям Зориан Доленга Ходаковский; учитель А.И. Дмитрюков на Курщине; кое-кто ещё.

Было бы погрешностью против принципа историзма подчёркивать только недостатки и ошибки этих первых изыскателей провинциальных древностей. С другой стороны, вряд ли стоит идеализировать эти фигуры, выдавая их за основоположников региональных школ гуманитарного познания. Обе эти крайности в историографических оценках встречаются в литературе, особенно краеведческой. На наш взгляд, лица намеченного ряда сыграли необходимую в те времена роль посредников между традиционно-мифологическим и научным отношением к истории, её региональным

⁴⁷ См.: *Бердинских В.А.* Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х годов. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. Киров, 1995.

памятникам. Образно говоря, они, эти энтузиасты-одиночки, что называется, захватили плацдарм на берегу исторического просвещения, а развивать идейное и организационное наступление в этом направлении пришлось деятелям 1860–1870-х годов — эпохи великих реформ российского государства и общества.

*Камеральные работы в Деснинской экспедиции М.В. Воеводского
(крайний слева от зрителя). 1948 год. Архив автора.*

Вид из окна Курского медицинского института сразу после войны, когда восстанавливали его разрушенные здания. Из архива В.В. Крюкова. В таких условиях в городе всё же находились люди, увлекающиеся полевой археологией.

Б.А. Рыбаков совместно с Курским областным краеведческим музеем ведёт раскопки на городище «Царёв дворец» в с. Гочеве Курской области. 1939 г. Архив автора.

*Рабочий момент из жизни современных археологов.
Младшие научные сотрудники Посеймской экспедиции В.В. и О.Н. Енуковых
А.С. Сушков (чертит), А.С. Щавелёв, В.А. Дегтярёв,
на спасательных раскопках археологического комплекса в с. Липине,
полуразрушенного песчаным карьером,
в Октябрьском районе Курской области. 1990-е гг. Фото автора.*